

Лишь только солнце скрылось за горами, ограждавшими замок и территорию Хогвартса, Джинни Уизли наконец-то зашевелилась на своей кровати в кабинете мадам Помфри. Она открыла глаза и обнаружила, что мадам Помфри хлопотала над ней, накладывая какое-то диагностическое заклинание. Она заметила возле дверного проема своего отца, который прислонился к косяку и стоял, скрестив на груди руки; он смотрел на нее с непривычно строгим выражением лица. Еще Джинни увидела свою мать, тихонько дремавшую в кресле за столом целителя.

Джинни с любопытством оглядела комнату, гадая, как же она там оказалась. Она попыталась вспомнить, где она была перед тем, как потерять сознание, но ее разум был каким-то затуманенным, и из-за этого ей было трудно привести свои мысли в порядок. Джинни взглянула на свои руки, которые лежали на ее животе поверх одеяла, и была шокирована, обнаружив, что они обе плотно забинтованы — ведь она буквально разорвала в клочья ладони, впиваясь в них ногтями. Она осторожно попыталась пошевелить пальцами и почувствовала жгучую боль в руках. Когда Джинни попробовала сесть, она издала сдавленный стон — острая боль в грудной клетке заставила ее вернуться на подушку. Она попыталась спросить, что же с ней случилось, но все, что у нее получилось — лишь слабый искаженный хрип, и внезапная резкая боль пронзила ее горло.

Не отрываясь от того, что делала, мадам Помфри произнесла ледяным тоном:

— Не пытайся говорить. Должен пройти по крайней мере еще один день, прежде чем твое горло достаточно заживет, чтобы ты смогла произносить слова.

Целительница на секунду остановилась, когда увидела, что Джинни подняла свои забинтованные руки с умоляющим вопросом в глазах. Мадам Помфри вздохнула, а затем сказала:

— Ты знаешь, почему ты здесь?

Когда Джинни покачала головой, мадам Помфри посмотрела на Артура, который оттолкнулся от дверного проема и медленно подошел к кровати дочери. Когда Артур подошел, целительница стянула с обнаженного тела Джинни одеяло, что заставило ту попытаться ухватиться за него, забыв, что сейчас ее руки не в состоянии что-то схватить.

Артур просто стоял у кровати и смотрел, как целительница раздвинула ноги его дочери и начала снимать с ее лобка ткань, пропитанную какой-то зеленой, жутко пахнущей мазью, заставляя Джинни стонать от боли и смущения. После того, как ткань была убрана, он увидел, что она вся в желтых и красных разводах. Мадам Помфри объяснила, что это потому, что она пропитана кровью и гноем, исходящих из поврежденного влагалища Джинни.

Когда целительница накрыла промежность Джинни свежей салфеткой, покрытой мазью, и натянула на ее тело одеяло, Артур покачал головой и спросил:

— Скажи мне, что ты можешь вспомнить? Самое последнее воспоминание?

Она в раздумье закрыла глаза. Последнее воспоминание? Ей казалось, что вся ее жизнь была окутана густым туманом, и какие-то воспоминания всплывали на поверхность гораздо быстрее, чем другие. Ее разум был не в состоянии расположить их в правильной последовательности. Постепенно она начала сортировать их в хронологическом порядке.

Хогвартс... Похороны Дамблдора... Гарри разорвал их отношения, «чтобы защитить ее», а сам ушел, чтобы сражаться с «сама-знаешь-кем...»

Гарри не было несколько недель...

Гарри нашли в маггловской больнице...

Гарри разговаривал с ней в больнице Святого Мунго...

Она только что использовала последнюю каплю эликсира...

Вождеделение...

Страсть...

Новость о нападении на больницу Святого Мунго и о том, что Гарри снова пропал. Это было последнее, что она могла вспомнить.

— Гарри! — прохрипела она, снова пытаясь сесть. — Нападение на больницу Святого Мунго! Где Гарри? Его нашли? Он жив?

Артур искоса бросил вопросительный взгляд на целительницу, затем положил руку на плечо дочери и уложил ту обратно на подушку, сказав:

— Гарри в порядке. Он с Роном и Гермионой, и наши люди присматривают за ними, так что не беспокойся об этом. Сейчас наша главная забота — это ты.

Артур сделал паузу, оценивая реакцию Джинни на его упоминание имени Гермионы, и, как и следовало ожидать, в глазах дочери на мгновение вспыхнул гнев. Если бы он специально не оценивал реакцию Джинни, он бы ничего и не заметил. Он не хотел верить в то, что его дочь способна сделать то, о чем говорил Рон; но ее реакция стерла его последние сомнения.

Он склонил голову и вздохнул, прежде чем снова заглянуть в глаза Джинни. Он указал на ее лобок и довольно холодно спросил:

— Ты помнишь, как ты получила эту травму?

Джинни отвернулась, покраснев от смущения, и покачала головой:

— Нет.

Артур подождал, пока она снова взглянет на него, а затем продолжил:

— Итак, ты не помнишь, как ты изменила тормозные чары Хортон-Кейтча на метле своего брата, а также сняла амортизирующее заклинание с древка метлы?

На ее лице была написана уже крайняя степень смущения, но она вновь покачала головой.

Артур повернулся к мадам Помфри и мрачно кивнул. Она подошла к кровати и обратилась к Джинни:

— Недавняя болезнь мистера Поттера — прямой результат ритуального заклинания, наложенного на него примерно полтора года назад. Это заклинание должно было быть применено лишь один раз, не говоря уже о том, что оно накладывается только на чистокровного волшебника. Кроме того, в том же ритуале была задействована и мисс Грейнджер. Влияние на нее не было полностью установлено, и нам придется провести обследование этой девушки при первой же возможности.

Пока мадам Помфри говорила, яркий румянец, заливавший лицо и шею Джинни, полностью сошел, и когда целительница закончила свою речь, кожа Джинни была пепельного оттенка.

Артур приготовился задать ей следующий вопрос. Он надеялся, что Джинни признается в том, что сделала, но, учитывая ее состояние и тот факт, что она считала, что это любовное зелье или что-то в этом роде, он понимал, что она будет отрицать любую причастность к использованию этого темного эликсира.

— Ты что-нибудь знаешь о том, что случилось с Гарри и Гермионой?

Она подняла подбородок, посмотрела отцу прямо в глаза и хрипло ответила:

— Нет.

Артур полез в карман и вытащил небольшой хрустальный флакон и копию страницы, которую ему отдал Рон. Разочарованно нахмурившись, он поднял эти предметы, чтобы Джинни могла их хорошо рассмотреть, и спросил:

— Тебе знакомы эти вещи?

— Конечно, нет! — сердито ответила она: — Зачем мне использовать приворотное зелье? Он и так меня любит!

— Это не приворотное зелье! — закричал Артур, и его лицо побагровело. — Это самый настоящий ритуал для сохранения родословной! Он предназначено для использования чистокровными родителями, чтобы их ребенок не сходилась с нечистокровной парой!

Вспышка гнева Артура разбудила его жену, которая вскочила со стула и, обогнув стол целителя, бросилась к мужу. Джинни уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но Артур не дал ей такой возможности:

— Забавно, что ты назвала это «любовным зельем», хотя здесь никто даже не упомянул этих слов!

Джинни, похоже, уже не слушала, поскольку она громко и хрипло повторяла:

— Он мой! Он любит меня, а не эту грязнокровную шлюху! Он всегда любил меня! Гарри мой! Мой!

Артур отошел от постели дочери, как только услышал эти слова... Мадам Помфри бросилась к постели Джинни и попыталась насильно влить ей в горло снотворное, но потерпела неудачу: теперь она была вся покрыта зельем, разлетевшимся изо рта девушки. Она бросила на Артура извиняющийся взгляд, выхватила палочку и оглушила разбушевавшуюся ведьму.

Тяжело вздохнув, Артур опустил голову, взял Молли за руку, и направился к двери, тихо причитая:

— О Мерлин, где мы так ошиблись?

* * *

Гермиона наклонилась, положив руки на колени, и закрыла глаза, пытаясь отдышаться. Завершение ритуала *Fidelis* отняло у нее столько сил, что она всерьез сомневалась, что она сейчас способна даже на такое примитивное заклинание, как *Lumos*. Еще до того, как она начала ритуал, она понимала, что это очень сложный и истощающий процесс; обычно для наложения заклинания требовался целый день, чтобы не дать волшебнику обессилеть. Также Гермиона знала, что, если бы не своевременная помощь Котоне, она бы никогда не смогла вовремя закончить ритуал.

Через несколько мгновений она подняла голову и увидела Котоне, сидящую посреди комнаты в том месте, где всего несколько мгновений назад был круг. Ее налитые кровью глаза были приоткрыты, и она слегка раскачивалась; казалось, она вот-вот потеряет сознание. Еще Гермиона заметила размазанную кровь под носом и вокруг рта Котоне. Из-за всего этого она выглядела намного ужаснее, чем обычно.

— Котоне? С тобой все в порядке? — спросила Гермиона, подходя к ней.

Маленькая ведьма изумленно посмотрела в сторону Гермионы, по-видимому, совершенно не подозревая о ее присутствии. Через мгновение она рассеянно кивнула, а затем безуспешно попыталась встать и тяжело рухнула на пол. Котоне попыталась улыбнуться Гермионе и сказала:

— Я в порядке... Я...

Белые брови Котоне нахмурились, а ее уши повернулись по направлению к двери в холл. Она издала глухое рычание, а затем прошептала Гермионе:

— В доме незнакомцы, я не узнаю эти шаги...

Гермиона подкралась к двери и выглянула в холл; она как раз успела заметить, как полы черного плаща исчезают на верхнем пролете главной лестницы дома... Ее сердце замерло, а мысли лихорадочно забились: — Гарри! — Кто бы это ни был, они, должно быть, попали в дом еще до того, как был закончен ритуал Фиделиуса.

Сжав в руке свою палочку, она помчалась через холл к лестнице, забыв об усталости. Она преодолевала за раз по две и даже по три ступеньки, пока не приблизилась к верхнему пролету. Гермиона окинула взглядом открытое пространство, но никого не увидела. Двери в кабинет, зимний сад, библиотеку и главные спальни были плотно закрыты. Она услышала скрип лестницы — оттуда, где находились гостевые спальни, в которых располагались Гарри, Драко и Полумна. Она еще крепче сжала свою палочку и поспешила наверх.

Она преодолела уже половину лестницы, когда неожиданно услышала надменный женский голос:

— Ты! Ты солгал мне! Ты сказал мне, что он был схвачен! Ты уверял меня, что он в руках Ордена! Я поверила тебе! Я доверяла тебе!

Гермиона тихонько поднялась еще на несколько ступенек, пока не увидела коридор третьего этажа. Высокая женщина в темном плаще стояла спиной к Гермионе. Она увидела, как женщина направила палочку на кого-то, кто стоял в глубине коридора. Затем она услышала, как очень знакомый вкрадчивый голос сердито ответил ей:

— И ты должна была оставить все как есть, глупая ты женщина! Если бы ты не знала, где он находится, то у Темного Лорда не было бы причин задавать тебе вопросы так... Часто. Ты же знаешь, он всегда понимает, когда ты что-то от него скрываешь, — затем он усмехнулся и добавил: — И ты знаешь, как он сильно желает увидеть твоего сына...

Гермиона взглянула на силуэт женщины, которая, как она поняла из разговора, была Нарциссой Малфой, и увидела Снейпа, стоящего рядом с Драко. Одной рукой он держал палочку, а другой удерживал извивающегося Драко, чтобы тот не бросился к своей матери. Гермиона слышала, как Драко вырывался и кричал:

— Мама! Это моя мама! Отпусти меня!

— Он пойдет со мной! — заявила Нарцисса ледяным тоном и добавила: — Я смогу позаботиться о его безопасности!

— Не глупи, — сказал Снейп, явно рассердившись, — ты должна понимать, что с ним случится, если Темный Лорд найдет его. Если это произойдет, моя судьба также предрешена. И все благодаря твоей красноречивой формулировке Нерушимого обета...

— Ну, и что ты предлагаешь сейчас делать? — раздраженно спросила Нарцисса: — Куда ты его заберешь?

— Ты хочешь сказать: «Куда мы его заберем?» — тихо ответил он. — Ты не можешь вернуться теперь, когда ты знаешь, что Драко все еще на свободе. Чары памяти слишком мощные, ты не сможешь обмануть Темного Лорда. К сожалению, ты станешь неспособна позаботиться даже о самой себе.

— Мы? — недоверчиво спросила она, покачав головой. — Я не могу исчезнуть... Что будет с Люциусом?

— Он не должен знать. Если он узнает, что происходит, погибнем мы все.

Нарцисса все еще стояла неподвижно, но она немного расслабила руку, держащую палочку. Целая минута прошла в напряженном молчании, прежде чем она опустила палочку и спросила:

— Хорошо, что мы должны делать?

— Во-первых, мы должны заставить Поттера открыть нам Дверь. Он единственный человек, который способен это сделать, и это единственный выход отсюда, учитывая, что это место окружено аврорами.

— Возникнут кое-какие проблемы, — тихонько произнесла Гермиона из своего укрытия на

лестнице, заставив Снейпа и Нарциссу вздрогнуть и направить на нее свои палочки.

Нарцисса прищурилась, глядя на Гермиону, а затем медленно сказала, сморщив нос и глядя на Гермиону сверху вниз:

— А, я помню тебя... Чемпионат мира... Ты подруга Поттера.

— О чем ты, Грейнджер? — сухо спросил Снейп. — Что случилось с Поттером?

Гермиона не стала возражать Нарциссе и не сразу ответила Снейпу. Она просто держала палочку нацеленной на двух взрослых волшебников, отчаянно пытаясь заставить свои руки не трястись. Она знала, что в данный момент очень истощена, но не понимала, насколько сильно.

Она уже открыла рот, чтобы что-то сказать — потребовать, чтобы они опустили палочки — когда увидела, что из комнаты вышла Полумна; та осталась незамеченной двумя взрослыми волшебниками и расстроенным Драко. По губам Гермионы скользнула улыбка, но она дрогнула, когда заметила, что выражение лица Полумны сейчас гораздо более отстраненное и рассеянное, чем обычно... Улыбка Гермионы полностью исчезла, когда она заметила, что рейвенкловка не держит в руках свою палочку, и ее нет даже на своем обычном месте у нее за ухом.

Снейп тут же заметил озабоченный взгляд Гермионы, направленный дальше по коридору, и развернулся; он направил свою палочку на Полумну и держал ее наготове, пока та шла через холл к лестнице — туда, где находилась Гермиона. Она полностью игнорировала и его, и испуганную Нарциссу.

Гермиона почувствовала, как кровь застыла в ее жилах, когда Полумна подошла ближе. Она увидела ее ничего не выражающее лицо, пустые глаза и спросила:

— Полумна? Что ты делаешь?

Тихим монотонным голосом та ответила:

— Я всех отвлекаю, хотя и не понимаю, зачем мне вообще это нужно...

Гермиона оторвала взгляд от лица Полумны и посмотрела на Снейпа, который вместе с Малфоями озадаченно смотрел на странную ведьму-блондинку. Прежде чем она смогла предупредить ее, из тени в дальнем конце зала раздался жестокий пронзительный голос. Стены осветил невероятно мощный поток заклинаний.

— Expelliarmus! Expelliarmus! Accio! Accio! Stupefy!

Палочки Нарциссы и Снейпа выпали у них из рук, и они рухнули на пол, отлетев в дальний конец коридора. Нарцисса тяжело приземлилась на грязный ковер, а Драко смог вырваться из рук Снейпа и подбежал к ней, жалобно рыдая. Профессор Снейп развернулся, чтобы встретить новое заклинание, летящее в него, но прежде, чем ему это удалось, голос из темноты вновь закричал:

— Стусіо!

Бледно-желтый луч осветил лицо заклинателя еще до того, как он вышел из тени. У Гермионы перехватило дыхание, когда она увидела Гарри с палочкой Полумны в руке, посылающего это ужасное заклинание в своего бывшего профессора зельеварения. Она видела действие этого заклинания лишь однажды, и то оно было наложено на паука на уроке «профессора Грюма»; но она была совершенно не готова увидеть профессора Снейпа, корчащегося на грязном полу и кричащего от боли, словно его тело разрывали на части.

По лицу Гермионы струились слезы; она закрыла глаза и уши руками. До этого момента она даже не представляла, что человек может издавать такие звуки. Мысль о том, что Гарри сам когда-то подвергся этому темному проклятию, ужаснула ее; но увидев, как он истязает кого-то тем же самым заклинанием, ей стало дурно. Мысль о том, что он вообще способен на это, по-настоящему шокировала ее.

Внезапно крики Снейпа прекратились, их сменили сдавленные стоны. Еще мгновение спустя крики Драко, обращенные к матери, и ее визг были прерваны ошеломляющим заклинанием. Гермиона убрала руки от лица и, подняв глаза, увидела Гарри, стоящего на верхней ступени лестницы всего в нескольких футах от нее. Он угрожающе смотрел на нее сверху вниз, держа в руках палочку Полумны, направленную ей прямо в грудь. Она ахнула, когда увидела его сверкающие, полные ненависти глаза, которые, казалось, сверлили ее насквозь. Они изучали ее...

Больше всего ее пугало слабое малиновое свечение его зрачков, очень похожее на эффект «красных глаз» на некоторых маггловских фотографиях. Оно то появлялось, то затухало, и зрачки вновь становились почти изумрудными. Гермиона поняла, какая отчаянная борьба идет внутри мальчика, стоящего перед ней.

— О Гарри... — сдавленно прошептала она.

Гарри только ухмыльнулся, глядя ей в глаза. Она была совершенно не готова к тому, что случилось потом, но она знала, что это должно произойти. В ее голове начали мелькать случайные воспоминания, и она была не в силах это остановить.

Это был четвертый класс; Гермиона сидит на своем месте, а ученики вокруг бросают на нее раздраженные взгляды, когда она в очередной раз правильно ответила еще на один вопрос...

Она сидит на школьном дворе во время обеда, и ее игнорируют все остальные дети. Поэтому она молча читает и ест в одиночестве...

Ей девять лет, и она стоит на коленях у елки в гостиной своего дома... Вокруг нее горы оберточной бумаги и коробки с прекрасными дорогими подарками... Гермиона с тоской смотрит на закрытую дверь кабинета ее родителей...

Она стоит в зимнем саду в доме на площади Гриммаулд-плейс... Она яростно смотрит на Рона, который прижал ее к стене и неуклюже пытается нащупать ее грудь, а затем и поцеловать... Она грубо отталкивает его...

Она стоит в коридоре рядом с Гарри, его руки нежно обнимают ее за талию, а его мягкие губы приближаются к губам Гермионы...

Она очнулась, когда он пробормотал себе под нос:

— Ах, так эта маленькая уродливая грязнокровка «связана» с этим «Гарри»... Как интересно...

Гермиона сделала единственное, что смогла придумать. Она направила палочку на Гарри, намереваясь оглушить его, но вспомнила, что, наверное, в ее нынешнем состоянии она не сможет оглушить даже муху. Ей показалось, что он понял, что она собирается сделать, еще до того, как она передумала.

— Expelliarmus! — ледяным тоном воскликнул он, сбив ее с ног; Гермиона скатилась на несколько ступенек вниз по лестнице и уронила свою палочку, полетевшую по коридору.

Затем он добавил с веселой ухмылкой:

— Это может тебя шокировать, грязнокровка, но он тебя не любит!

Не поднимая головы, Гермиона вытерла струйку крови, сочившуюся из разбитой губы, и тихо сказала:

— Я уже и так это поняла...

Она замолчала, ожидая, что он вновь бросит ей в лицо какое-нибудь ехидное замечание, оскорбление или даже заклинание. Когда она ничего от него не услышала, она взглянула вверх и увидела, что он смотрит мимо нее в сторону подножия лестницы. Она повернула голову и увидела Котоне, стоящую внизу с ошеломленным выражением лица. Она, прищурившись, смотрела на Гарри.

Внезапно глаза Котоне расширились, и она издала ужасный вопль, а затем рухнула на пол. Гермиона резко повернула голову и увидела, что Гарри ошеломленно моргает, глядя на нее...

Он слегка покачал головой, затем злобно ухмыльнулся и сказал:

— Хорошая попытка... Но твои уловки на меня не подействуют! Мне жаль убивать столь умелую ведьму, но, увы...

Одним быстрым плавным движением он направил палочку на Котоне. Гермиона увидела, как глаза Гарри широко распахнулись, а на его лице отразилось безудержное ликование; он ухмыльнулся и прошипел:

— Avada...

И остановился.

Гермиона увидела, как красное свечение в глазах Гарри немного поблекло, и он со стоном упал на колени. Она услышала сдавленный шепот:

— Беги! Бери ее и беги! Сейчас же!

И снова Гарри потрянул головой, словно пытаясь очистить ее, а затем начал смеяться этим жестоким смехом. Он опять поднял палочку на Котоне, но так и не смог произнести заклинание — красная молния попала ему прямо в спину. Когда он упал на пол, Гермиона увидела Снейпа, стоящего позади него с палочкой в руках. Он выглядел так, будто его только что сбило стадо гиппогрифов.

Снейп посмотрел на Гарри с ничего не выражающим лицом, а затем взглянул на Гермиону и насмешливо спросил:

— Значит, твой парень нашел тот самый, настоящий медальон?

Снейп перешагнул через неподвижное тело Гарри и подошел к Полумне, которая неподвижно стояла у стены. Он произнес контр-заклинание, и ее глаза задрожали, а затем с она удивлением оглядела коридор, гадая, как же она там оказалась... Когда профессор снова повернулся к Гермионе, он увидел ее вопрошающий взгляд и просто сказал:

— Нельзя испытать на себе множество раз проклятие Cruciatus и не выработать к нему определенную... так скажем, стойкость. Иммунитет, — затем он вытащил палочку из рук Гарри и протянул ее Гермионе, сказав: — Я думаю, это принадлежит тебе.

Гермиона встала и взяла свою палочку, не сводя глаз с Гарри. Ей стало очевидно, что то, чего она так боялась, и в самом деле произошло. Фрагменты души Волдеморта теперь управляли Гарри. Хотя ей казалось, что он пытался бороться с ними, она не могла позволить ему очнуться, пока они не сделали что-нибудь, чтобы предотвратить повторение того, что только что произошло.

Снейп крепко связал Гарри и левитировал вместе с ним в спальню. Убедившись, что Гарри не

представляет угрозы, он направился к Нарциссе и Драко, оставив Гермиону с ним наедине. Она с тревогой смотрела на мальчика, лежащего перед ней на кровати.

Котоне выглядела столь же истощенной, как и Гермиона, но в остальном она не пострадала. Рон все еще был тяжело ранен. Снейп осторожно уложил его на диван в гостиной, достал таз с водой и чистую ткань и начал очищать его рану. Он провел несколько часов, ухаживая за Роном. Как только профессор закончил вытаскивать из раны последние осколки, он начал обводить рану палочкой, тихо произнося то же заклинание, которое он использовал, чтобы помочь Драко и реанимировать его после проклятия Sectumsempra, которое некогда использовал Гарри.

В этот момент Гермиона вошла в комнату и как загипнотизированная наблюдала, как рана медленно затягивается, оставляя круглое пятнышко красной огрубевшей кожи.

После того, как Снейп закончил, он встал и сказал:

— Останется шрам, но в таких условиях я больше ничего не могу для него сделать. Сейчас половина одиннадцатого, и мы очень скоро должны покинуть это место, а поскольку Поттер не в состоянии передвигаться, открой, пожалуйста, камин...

— Вы сейчас уйдете? — испуганно спросила Гермиона. — И ничего не можете сделать для Гарри?

Он взглянул на большие напольные часы и сказал:

— Боюсь, что нет, и даже если бы я мог ему помочь, у меня нет на это времени, нам нужно кое-куда попасть еще до полуночи. Нам придется рискнуть и уйти достаточно далеко от дома, чтобы мы смогли аппарировать. Лучшее, что мы можем сделать — зайти за дом и перебраться через стену.

— Вы просто так бросите его? Вы же знаете, что он наш единственный шанс!

— Мисс Грейнджер, послушайте меня. Я ничего не могу для него сделать... Единственное возможное решение, которое я вижу — это создать для него свой собственный хоркрукс; но я не обладаю подобными знаниями, чтобы сделать это. Даже если бы я знал заклинание для создания хоркрукса, Поттеру пришлось бы наложить его самому. Я хочу, чтобы вы убедили его сделать это, пока он находится в своем нынешнем состоянии.

В этот момент в дверном проеме появились Нарцисса и Драко, и Снейп вывел их на задний двор. Наложив на себя заклинание невидимости, они взобрались на стену в северо-восточном углу двора, и несколько мгновений спустя тихие хлопки возвестили об их исчезновении.

Гермиона еще несколько мгновений постояла у задней двери, любуясь ночным небом. Она

наконец-то почувствовала усталость — ведь она спала всего семь часов за последние трое суток. Осмотрев Котоне, Рона и Полумну и убедившись, что Гарри все еще надежно связан, она забралась на соседнюю кровать и сразу же уснула.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818745>